

ГЕНШТАБИСТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРЕ РОССИИ*

Проблема участия в событиях Гражданской войны на Севере выпускников Николаевской академии Генерального штаба, оказавшихся по обе стороны фронта, является совершенно не исследованной. Поскольку здесь, в отличие от Востока или Юга России служило относительно небольшое количество генштабистов, представляется возможным в рамках единого очерка проанализировать их службу и роль в военном строительстве как у красных, так и у белых.

Приказом Высшего Военного Совета от 31 марта 1918 г. был образован Беломорский военный округ с центром в Архангельске, в штабе которого начали службу на Севере многие видные генштабисты, внесшие большой вклад в дело военного строительства и разгрома белых и интервентов в регионе. Реально же округ стал функционировать только с мая — июня 1918 г. Начальником штаба с 8 апреля (прибыл в Архангельск в конце мая¹) стал Генштаба А.А. Самойло при военруке (26 мая — 15 августа 1918 г.) Генштаба Ф.Е. Огородникове.

Основой для формирования штаба округа послужили кадры штаба Юго-Западного фронта старой армии после того, как 30 мая 1918 г. в Архангельск с чинами штаба в составе 57 человек прибыл и с 1 июня приступил к работе бывший вр. и.д. начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.Н. Петин, ставший начальником мобилизационного управления штаба Беломорского военного округа². Судя по всему, вместе с Петиным в Архангельск прибыли и другие генштабисты с Юго-Западного фронта.

В июне формирование округа и насыщение его кадрами продолжалось. В округ вошла территория Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, острова Белого моря и некоторые острова Северного Ледовитого океана. Начальник штаба округа Самойло вспоминал, что «условия, в которых штабу округа приходилось выполнять свои задачи по формированию частей Красной Армии, были очень сложны. Территория Северного фронта простиралась от Ладожского озера до Уральских гор. Только на юге она ограничивалась 61-й параллелью северной широты, на севере же она простиралась за Полярный круг до берегов Ледовитого океана...»³. Управление округа находилось в Архангельске, а с 1 августа 1918 г. — в Вологде. 15 августа управление округа было расформировано, а личный состав направлен на укомплектование Северо-восточного участка отрядов завесы. Последний был создан по распоряжению Высшего Военного Совета 6 августа для обороны со стороны Белого моря и Урала. Руководство обороной Севера было возложено на наркома советской ревизии М.С. Кедрова при начальнике штаба Генштаба А.А. Самойло.

При переезде штаба Беломорского округа в Вологду в Архангельске остался выпускник академии находившийся в командировке начальник мобилизационного управления бывший полковник князь А.А. Мурузи, а также и.д. заведующего топографическим отделом И.А. Годнев и еще 13 служащих штаба, как правило, уволившихся, заболевших или не вернувшихся из отпусков⁴. По некоторым данным, Мурузи служил у красных по принуждению и возглавлял подпольную антибольшевистскую офицерскую монархическую организацию «Белый крест» в Архангельске⁵. Тем не менее, факт его службы у красных вызвал недовольство офицерской молодежи в антибольшевистском лагере, и Мурузи не получил должность начальника штаба Северной области, на которую вполне мог рассчитывать.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 08-01-00052а «Генеральный штаб в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

По мнению военного комиссара Н.Н. Кузьмина, оставшиеся на стороне большевиков «офицеры генерального штаба... работали в штабах больших соединений, и при их помощи, главным образом, удалось построить хорошо слаженные армейские и дивизионные аппараты. Их кропотливая и незаметная работа на пользу революции не была видна для широких армейских масс. Наоборот, те, кто убежал к противнику, были на виду, их поступок был известен, и потому среди красноармейской и матросской массы вспыхнуло недоверие к командному составу из бывших офицеров»⁶. Советское руководство было серьезно озабочено стремительным обострением ситуации на Севере. На протяжении августа 1918 г. формировались штабы командующих войсками Архангельского, Котласского, Вологодского и Вятского районов, в сентябре — Вельско-Шенкурского. Большевики допускали возможность переворота в Вологде и дальнейшего расширения контрреволюционного плацдарма на Севере.

11 сентября из войск Северо-восточного участка отрядов завесы была создана 6-я армия во главе с бывшим полковником В.М. Гиттисом (ранее — военруком Северного участка отрядов завесы) при начальнике штаба А.А. Самойло. Именно Самойло принадлежит важная руководящая роль в победе красных на Севере в Гражданскую войну. Небезынтересно, что это признавали и белые, считая его деятельность более преступной, чем деятельность какого-либо мелкого коммуниста (при том, что сама по себе принадлежность к партии большевиков уже предполагала уголовное преследование в антибольшевистском лагере)⁷.

Наконец, 15 сентября приказом РВСР от 11 сентября был образован Северный фронт во главе с бывшим военным руководителем Северного участка и Петроградского района завесы генерал-лейтенантом Генштаба Д.П. Парским. В состав фронта были включены две армии — 6-я, оборонявшая направление на Котлас и Вологду и 7-я, оборонявшая Петроград. Штаб фронта находился довольно далеко от передовой — в Ярославле, штаб 6-й армии — в Вологде (этот город являлся наиболее удобным на севере пунктом для связи с Петроградом, Москвой и Восточным фронтом). Начальниками штаба фронта являлись известные генштабисты Ф.В. Костяев (20 сентября — 21 октября 1918 г.) и Н.Н. Доможиров (21 октября 1918 г. — 19 февраля 1919 г.). В результате образования Северного фронта появился единый центр, осуществлявший руководство военными действиями на севере и северо-западе Советской России, тогда как ранее руководство осуществляли штабы Оленецкой группы войск и Северо-восточного участка завесы⁸. Но сил красных на севере по-прежнему не было достаточно для ведения успешного наступления.

В ноябре произошли перестановки в руководстве советских вооруженных сил на Севере. 26 ноября Парского сменил другой бывший генерал-лейтенант Генштаба Д.Н. Надежный, а 6-ю армию вместо ушедшего на Западный фронт Гиттиса 22 ноября возглавил Самойло, начальником штаба у которого с 29 ноября стал Н.Н. Петин. Многие ключевые посты у красных оказались заняты опытнейшими специалистами из числа бывших генштабистов. Тем удивительнее то, что разработка оперативных вопросов в штабе 6-й армии находилась в ведении человека без достаточного опыта — не успевшего окончить полный курс академии курсовика Б.А. Буренина, к тому же не причисленного к Генштабу.

По сведениям Всероссийского главного штаба в ноябре 1918 г. на Северном фронте находилось 30 генштабистов⁹. Впрочем, большинство из них, очевидно, служило в районе Петрограда. По другим данным, на ноябрь 1918 г. в штабе Северного фронта и штабах входивших в его состав 6-й и 7-й армий значилось 40 выпускников академии¹⁰.

Что же происходило в антибольшевистском лагере? Создание антибольшевистских вооруженных сил на севере началось в августе 1918 г. под руководством союзников. При Верховном управлении Северной области возникло военное управление (с ноября 1918 г.

— штаб командующего войсками Северной области). Командующий русскими войсками капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин находился в оперативном подчинении главнокомандующего всеми союзными вооруженными силами в России генерал-майора Ф.К. Пуля¹¹. В начале августа был выработан штат штаба командующего вооруженными силами Северной области, согласно которому предусматривалось пять должностей Генерального штаба: начальник штаба командующего, обер-офицер для поручений при нем, начальник оперативного отдела, старший адъютант оперативного отдела, обер-офицер для поручений оперативного отдела¹².

Начальником штаба при Чаплине с 7 августа стал перешедший от красных молодой выпускник ускоренных курсов (курсовик) академии подполковник В.Н. Маслов. Маслов был работоспособным офицером, но не имел необходимого опыта, считался эсером и впоследствии не оправдал доверия командующего, присвоив себе 50 000 рублей из средств штаба и будучи за это разжалован в рядовые (через год восстановлен за боевые заслуги)¹³. Новая власть столкнулась с огромными трудностями, в том числе в вопросах военного строительства и мобилизации.

Для антибольшевистских сил назначения генштабистов были затруднены нехваткой опытных командных кадров. По нашим подсчетам, на северном антибольшевистском фронте сражались 27 выпускников академии, в том числе 6 курсовиков и пять офицеров, не прошедших весь курс обучения в академии. Из них только на севере воевали 14 офицеров, остальные успели послужить и в других армиях периода Гражданской войны. Из РККА поступило 6 офицеров (в т.ч. один (Е.К. Миллер) лишь формально числился у красных, но фактически не служил, а еще один офицер до службы в РККА служил в эстонской армии), из украинских формирований на север попали четыре человека (в т.ч. один ранее служил у красных), из ВСЮР — 1. На протяжении 1918–20 гг. на севере постоянно служили 7 офицеров, 13 — в 1919–20 гг., 3 — в 1918–19 гг. и по 2 — только в 1918 и только в 1919 г. После службы на севере один из офицеров поступил в РККА, другой — в латвийскую армию, еще один перешел в Северо-западную армию.

Конечно, в разные периоды количество генштабистов серьезно различалось. Не подлежит сомнению тот факт, что офицеров Генерального штаба белым действительно не хватало, причем, нужно признать, что даже имевшиеся в наличии генштабисты на севере проявляли себя далеко не лучшим образом. Весьма яркой личностью был бежавший от красных аристократ, полковник князь А.А. Мурузи. Храбрый офицер с самостоятельным и даже строптивым характером, но лишенный, по мнению генерала Марушевского, качеств, необходимых для начальника штаба — Мурузи не был приспособлен к штабной работе и едва ли мог хорошо организовать работу штаба, а, кроме того, будучи ярким монархистом, был враждебно настроен к правительству Северной области. При этом он блестяще проявил себя как строевой командир — вполне усвоил тактику Гражданской войны, заботился о подчиненных, местном населении и пленных. Под его руководством белые заняли станцию Плесецкая.

По мнению нового британского главнокомандующего генерала У.Э. Айронсайда, русское командование в лице вызванного из Лондона Генштаба полковника Б.А. Дурова (с 18 сентября — командующего войсками и генерал-губернатора Северной области) и его начальника штаба Генштаба генерал-майора («революционного производства», по ироничному замечанию генерала В.В. Марушевского¹⁴) С.Н. Самарина (18 сентября сменившего Маслова) являлось некомпетентным. За два месяца они, по мнению англичанина, ничего не сделали, а призыв в армию считали недемократичным. Айронсайд потребовал замены этих офицеров¹⁵.

Дуров и Самарин были одного выпуска из академии в 1910 г. и, видимо, находились в хороших отношениях. Дуров занимался множеством вопросов — заведовал в правительстве отделами: военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфа¹⁶. Разумеется, при таком многообразии сфер деятельности эффективность его работы оставляла желать лучшего. Дуров допускал митинги, беспорядки и не принимал строгих дисциплинарных мер¹⁷. Лишь вмешательство англичан положило конец подобной близорукой политике.

На белом Севере руководящие посты занимали и другие генштабисты, считавшиеся не вполне достойными этих должностей. Так, генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский, ставший начальником штаба при генерале Е.К. Миллере, был исключительно кабинетным работником, привыкшим воевать по карте, слишком самоуверенным и далеким от жизни фронта¹⁸. С фронтовиками Квецинский находился в конфликте и даже ни разу не был на фронте. Генерал-лейтенант Н.А. Ключев, приехавший на север летом 1919 г., имел вид «полубольного старика, на работу которого рассчитывать было трудно»¹⁹. Тем не менее, Ключев занял пост генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего. Вместе с Ключевым прибыли и другие генералы, негативно ассоциировавшиеся в обществе лишь со старым режимом²⁰. Появление этих лиц вызвало недовольство в офицерской среде.

3 ноября 1918 г. Дурова менее, чем на три недели, сменил контр-адмирал Н.Э. Викорст, а Самарина — Генштаба подполковник В.А. Жилинский. Только в ноябре 1918 г. из Стокгольма прибыл Генштаба генерал-майор В.В. Марушевский, с 19 ноября возглавивший антибольшевистские вооруженные силы вместо неподготовленного к этому Викорста. Это назначение было сделано, видимо, не без влияния союзников, которым Марушевский был известен по службе на Западном фронте.

В то же время на белом Севере были и способные генштабисты, к числу которых можно отнести генералов В.В. Марушевского и Е.К. Миллера, подполковников (впоследствии — полковников) Л.В. Костанди и В.А. Жилинского и некоторых других. Генерал В.В. Марушевский был последним начальником русского Генерального штаба перед большевистским переворотом. На севере Марушевский занял должность помощника генерал-губернатора по военной части и начальника управления командующего русскими войсками Северной области с правами заместителя губернатора и командующего. С самого начала своей службы на Севере Марушевский был уведомлен о возможном прибытии генерала Е.К. Миллера и о том, что придется ему подчиниться. При Марушевском была проведена перерегистрация всех русских офицеров (около 2000 человек), осуществлено переиздание уставов, восстановлены дореволюционные награды, сокращено военное управление, началось введение основ дисциплины в войсках.

При этом в штабной работе имелись серьезные недостатки. Так, в штабе Марушевского не было оперативного отделения, а деятельность штаба сводилась «в сущности к назначениям и наградам личного состава одной дивизии»²¹. Сохранились различные оценки итогов работы Марушевского. Некоторые считали его энергичным и много сделавшим для укрепления Северного фронта, другие же, наоборот, полагали, что, несмотря на ряд успехов в военном строительстве, на фронте мало что изменилось, а численность русских войск продолжала оставаться ничтожной.

Прибывший в Архангельск 13 января 1919 г. генерал Миллер оказался в непростой ситуации, поскольку к этому времени генерал Марушевский уже успел завоевать авторитет и в войсках и в тылу и у союзников. Заменять его Миллером было нежелательно. В этих условиях правительством был достигнут определенный компромисс в разделении властных полномочий. С прибытием генерала Миллера Марушевский сохранил пост командующего войсками с подчинением в организационном (но не в оперативном) отношении

Миллеру, получившему права командующего отдельной армией. В оперативном отношении Марушевский подчинился английскому командованию. Фактически первоначально Миллеру отводилась роль «свадебного генерала», который должен был лишь сдерживать аппетиты союзников. Если первоначально Миллер из деликатности все военные вопросы выяснял у Марушевского, то постепенно полномочия Марушевского были урезаны (например, непосредственно Миллеру подчинена полевая военная прокуратура), а его назначения заменены креатурами Миллера. На Севере начали складываться элементы военной диктатуры Миллера, формирование которой было ускорено эвакуацией союзников и устраниванием генерала Марушевского. 6 августа штаб командующего войсками Северной области был переименован в штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте, а генерал Марушевский поступил в распоряжение Миллера. На этом завершилось длившееся восемь месяцев двоевластие. С 23 августа Марушевский в виде своеобразной почетной отставки был направлен с особой миссией в скандинавские страны.

Миллер был, вероятно, одним из лучших генштабистов русской армии. Он обладал поистине немецкой работоспособностью: работал денно и нощно и требовал того же от подчиненных. Он спал лишь по 5–6 часов²², а в остальное время занимался государственными вопросами. Это подтверждает и британский генерал Айронсайд, по свидетельству которого Миллер работал буквально на износ, по 16 часов в сутки без отдыха, причем нередко занимался различными административными мелочами²³.

Не лучше обстояло дело у генштабистов на местах, где офицеры Генштаба были вынуждены решать проблемы местного управления и принимать просителей²⁴. У красных ничем подобным генштабисты не занимались. У белых (и в меньшей степени у красных) генштабисты встречались на строевых должностях. И если на уровне командования фронтов и армий это было оправданно и могло соответствовать их знаниям и опыту, то пребывание их на должностях командиров частей рациональным использованием назвать нельзя. Подобные назначения были вызваны несколькими причинами, среди которых нехватка командных кадров, политическая борьба и интриги и, наконец, весьма своеобразная военная этика в вопросах соотношения старшинства между офицерами, являвшаяся настоящей язвой дореволюционной русской армии и доставшаяся белым по наследству (у красных эта проблема была решена радикально полным упразднением старшинства в чинах, равно как и самих чинов). Так, выпускник ускоренных курсов академии полковник П. Т. Акутин у белых был назначен командиром одного из полков. Между тем, ранее этот способный офицер сумел организовать оборону на Пинеге и сформировать там вполне надежные силы, за что был произведен в подполковники, а позднее получил чин полковника²⁵. Однако с этого фронта Акутин был снят и отправлен командовать полком лишь потому, что англичане попросили назначить на Пинегу другого офицера, а генерал Марушевский считал, что по своему образовательному цензу и опыту Акутин не мог находиться в подчинении у нового назначенца. Выпускник академии генерал С. Н. Самарин и вовсе командовал ротой. Полковник Мурузи в знак протеста против левого курса правительства области демонстративно поступил на службу в Славяно-британский легион рядовым²⁶. Такие демарши для антибольшевистских сил Севера были непозволительной роскошью.

Что касается вопроса о старшинстве (своего рода местничества, сложившегося в русском офицерском корпусе), то он неоднократно ставил в неловкие ситуации даже военное руководство белого Севера. Вопросы подготовленности и физического состояния генштабистов почему-то такого определяющего, как старшинство, значения не имели, даже если это были дряхлые старики или люди, уже устранившиеся от активной военной службы.

Можно попытаться определить примерное соотношение кадров Генштаба в армиях сторон. Так, на ноябрь–декабрь 1918 г. силы белых достигали 7156 человек, среди которых имелось не более 16 генштабистов, включая курсовиков. У красных на Северном фронте числилось 20 010 штыков и сабель при 40 генштабистах. Таким образом, один генштабист у красных приходился примерно на 500 человек, а у белых — на 447. В дальнейшем соотношение ухудшалось обратно пропорционально росту численности войск сторон, но изменение это было не в пользу красных.

Между тем, советское командование 12 февраля 1919 г. создало Западный фронт, в состав которого с 19 февраля была включена 7-я армия. Эта армия и ранее тяготела к западному театру военных действий, что нарушало ее оперативное единство с 6-й армией²⁷. Теперь же необходимость существования Северного фронта, в составе которого оставалась только одна 6-я армия, исчезла. 19 февраля фронт был упразднен, его штаб перебрасывался в Старую Руссу для развертывания полевого управления Западного фронта, а 6-я армия получила статус отдельной с непосредственным подчинением главкому.

Ситуация с кадрами Генштаба на Севере для красных в конце 1918–1919 гг. была сложной. На 20 января 1919 г. из 25 должностей Генерального штаба в штабе Северного фронта генштабистами было замещено лишь 11, из 44 должностей Генштаба в штабах армий, соединений и частей фронта замещено лишь 13, из 25 должностей в 6-й армии замещено только 7. В общей сложности из 94 должностей Генштаба замещена была лишь 31²⁸. Иными словами некомплект генштабистов в рамках фронта достигал 67%. В 6-й армии не хватало воспецов. Но поскольку главком И.И. Вацетис считал достаточным иметь в штабе армии хотя бы трех генштабистов²⁹, а в штабе фронта, состоявшего из двух армий — четырех³⁰, требовать пополнений было непросто. В 1919 г. штаты были увеличены. Так, по штату, объявленному в приказе РВСР № 477, в штабе армии было установлено одиннадцать должностей, подлежащих безусловному замещению «лицами Генштаба» и несколько должностей, на которых могли находиться генштабисты³¹. В штабе дивизии по штату, объявленному в приказе РВСР № 220, полагалось лишь две таких должности³². Между тем, во всей 6-й армии на 13 февраля 1919 г. по официальным донесениям имелось только 6 генштабистов (неофициально их было несколько больше за счет выпускников академии, не причисленных к Генштабу, учет которых штабом армии, вероятно, преднамеренно велся отдельно), из которых командарм А.А. Самойло и Н.В. Лисовский занимали должности не Генштаба. «Такой некомплект в 9 сотрудников Генштаба сильно отражается на работе», — сообщал 13 февраля начальник штаба 6-й армии Н.Н. Петин начальнику штаба Северного фронта Н.Н. Доможирову³³. Впрочем, в других армиях ситуация была даже хуже.

Кроме того, не все числившиеся в штабе генштабисты реально несли службу. Некоторые по несколько месяцев находились в отпусках и вообще подлежали отчислению по болезни. 17 февраля 1919 г. Н.И. Раттелю во Всероссийский главный штаб была направлена телеграмма о том, что «некомплект генштабов шестой армии достигает 70%. Наштатеввоенсовет просит вашего распоряжения командировать [в] эту армию 3 генштабов...»³⁴. Однако в ответ штабу Северного фронта сообщалось, что «ввиду общего некомплекта скорого разрешения вопроса ожидать трудно»³⁵.

Но даже в этих условиях не все имевшиеся в наличии кадры Генштаба использовались рационально. Выпускник академии Н.В. Лисовский занимал не соответствовавшую его квалификации строевую должность командира стрелковой бригады, тогда как должен был служить в штабах. Еще более курьезный пост занимал генштабист Попов, являвшийся начальником первого военного транспорта инженерных работ Северного фронта (впро-

чем, позднее штаб армии эти сведения не подтвердил)³⁶. Как только вскрылись эти факты, приказом главкома все «лица Генштаба» подлежали безотлагательному перемещению на специальные должности.

В мае 1919 г. в штабе армии произошли серьезные изменения. А.А. Самойло, несмотря на протесты РВС и военкомов, опасавшихся возможных проблем на фронте в решающий период³⁷, был неожиданно назначен командующим армиями Восточного фронта, получив, таким образом, некоторое повышение. На посту командарма со 2 мая (в некоторых изданиях ошибочно указано с 6 мая) Самойло замещал бывший Генштаба полковник В.П. Глаголев. Глаголев оказался неподходящей кандидатурой. Его деятельность за время Гражданской войны неоднократно вызывала нарекания. Не сложилась у Глаголева работа и на севере. Быть может, его просто не приняли сослуживцы, а, возможно, он действительно не обладал должной квалификацией. Не прошло и месяца с момента его назначения, как 25 мая 1919 г. Л.Д. Троцкому и И.И. Вацетису из Вологды была направлена телеграмма о том, что Глаголев «бессистемно хватается [за] мелочи, носится [с] неумными проектами огородничества, собирания крапивы, ловли голубей, серьезно убежден [в] необходимости отступления...»³⁸. Отсутствие Самойло долго не продлилось. Уже 25 мая командующим армиями Восточного фронта вновь стал С.С. Каменев, а Самойло пришлось вернуться на прежнюю должность, заменявший его Глаголев был откомандирован в распоряжение главкома. Причины этой истории до сих пор не вполне понятны. По одной из версий, неожиданное назначение Самойло произошло по решению главкома И.И. Вацетиса при поддержке Л.Д. Троцкого в результате конфликта Вацетиса с РВС Восточного фронта.

Проблема некомплекта генштабистов не утратила своей актуальности и к лету 1919 г. По данным к 5 августа, в 6-й армии из расчета в 3 дивизии полагалось по штату 46 специалистов Генерального штаба, тогда как имелось лишь 6. Некомплект достигал 87%³⁹. Впрочем, ситуация с нехваткой генштабистов практически не отличалась от аналогичной на других фронтах.

Чудовищными были условия быта советских генштабистов. Например, назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А.Н. Леонов не мог 15 июля 1919 г. выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели⁴⁰. По этим же причинам в феврале 1919 г. не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В.А. Ивановский⁴¹. Подтверждением того, что генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей служит тот факт, что, в частности, супруга командарма А.А. Самойло летом 1919 г. в Москве была вынуждена обменять ордена мужа (22 награды) на пуд белой муки⁴². Ее супруг вместе с членом РВС армии А.М. Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, от голода буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, причем Самойло был даже контужен⁴³. Режим работы генштабистов был практически неограниченным. Известно, что и командующий армией, и начальник штаба работали до глубокой ночи⁴⁴. С полной отдачей работали и другие сотрудники штаба армии. Так, начальник разведывательного отделения А.Н. Леонов в феврале 1920 г. был отпущен в полуторамесячный отпуск по причине сильного переутомления⁴⁵.

Офицеры Генерального штаба, оказавшиеся во главе противоборствующих сторон на севере, были хорошо знакомы друг с другом. В этом заключалось одно из проявлений

трагического братоубийственного характера Гражданской войны, многие участники которой прежде совсем не обязательно были братьями по крови, но составляли училищное, академическое, офицерское братство. Е.К. Миллер и А.А. Самойло вместе служили в Николаевском кавалерийском училище (в 1910–1912 гг. Миллер был начальником училища) и в Главном управлении Генерального штаба, оба занимались разведывательной работой — являлись военными агентами. Такое обстоятельство не могло не придавать их деятельности элемент соперничества⁴⁶.

Каково же было приблизительное соотношение по кадрам Генштаба к началу осени 1919 г.? У красных на 22 700 человек в 6-й армии имелось лишь 7 выпускников академии, тогда как у белых на 25 000 человек — 26 выпускников академии. У белых один генштабист приходился на 961 человека, тогда как у красных — лишь на 3243. Таким образом, за период с декабря 1918 по сентябрь 1919 г. насыщенность войск красных на Севере кадрами Генштаба ухудшилась обратно пропорционально росту численности войск в 6,5 раз, тогда как насыщенность войск белых упала лишь вдвое. Парадокс в том, что при таких условиях решающим фактором для победы красных стала эвакуация с Севера войск интервентов, а не сравнительно мало изменившаяся здесь численность войск красных и не количество и качество имевшихся в формированиях сторон кадров Генштаба. Тем не менее, не стоит недооценивать роль генштабистов в происходивших событиях.

Наступление красных в феврале 1920 г. сопровождалось полным развалом Северного фронта белых, массовым солдатским дезертирством, связанным с осознанием бессмысленности продолжения борьбы. Фактически в период с 8 по 15 февраля красные ликвидировали основные участки сопротивления. По мнению Генштаба полковника В.А. Жилинского, «Северная область существовала настолько, насколько существовала военная сила»⁴⁷. Многие офицеры, служившие у белых, попали в плен и подверглись репрессиям. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров (а затем еженедельных перерегистраций) и репрессий. Не обошли репрессии стороной и выпускников Николаевской академии. Уже в феврале-марте были расстреляны Л.П. Червинский и П.М. Баранов, в сентябре — И.С. Кашуба, несколько позднее, после годичного пребывания под арестом — Н.А. Волков и Л.В. Костанди.

21 февраля приказом РВСР А.А. Самойло за победу на Севере был награжден орденом Красного Знамени. Необходимости в сохранении 6-й армии больше не было, поэтому приказом РВСР № 601 от 10 апреля 1920 г. штаб 6-й армии был переформирован в штаб Беломорского военного округа. Часть лиц из аппарата 6-й армии была направлена на усиление 15-й армии Западного фронта, кроме того сохранялись укрепрайоны⁴⁸.

Ситуация с кадрами Генштаба на Севере представляется во многом характерной и для других фронтов Гражданской войны. Анализ документов показывает, что нехватку кадров Генштаба испытывали и красные и белые. Однако у красных эта нехватка ощущалась гораздо острее, чем у белых. В частности, к сентябрю 1919 г. насыщенность генштабистами относительно численности войск в антибольшевистских формированиях Севера России была в 3,4 раза выше, чем в 6-й армии красных. При этом Северный фронт белых успешно справился с оттягиванием на себя целой красной армии в период наиболее ожесточенных сражений на юге и востоке страны, предreshавших исход Гражданской войны. Но у белых на Севере было больше генштабистов, которые по разным причинам не соответствовали занимаемым должностям. Остальные специалисты использовались не всегда эффективно, в том числе и потому, что белые, не введя ничего нового, сохранили у себя все отрицательные особенности старой армии с существовавшим в ней своеобразным местничеством в виде оценки офицеров не по способностям, а по старшинству.

Примечания

- ¹ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 207, 215.
- ² РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.
- ³ Самойло А.А. Указ. соч. С. 211.
- ⁴ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 280.
- ⁵ Тучков А.И. Исторический фон //Гражданская война на Севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 147; Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере //Белый Север. 1918-1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 52.
- ⁶ Кузьмин Н.Н. Борьба за Север //Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 303.
- ⁷ Добровольский С. Борьба за возрождение России в северной области //Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921. С. 60.
- ⁸ Самойло А.А., Сбойчаков М.И. Поучительный урок (Боевые действия Красной армии против интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918-1920 гг.). М., 1962. С. 55.
- ⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 41-42об.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 30.
- ¹¹ Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 88.
- ¹² РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 13.
- ¹³ Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (1918 г.) //Белый Север. 1918-1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 60-61.
- ¹⁴ Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 -- август 1919 г.) //Белый Север. 1918-1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 200.
- ¹⁵ Айронсайд У.Э. Архангельск. 1918-1919 //Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918-1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 240-242.
- ¹⁶ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918-1920. М., 1993. С. 93.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.
- ¹⁸ Добровольский С. Указ. соч. С. 48, 51-52.
- ¹⁹ Марушевский В.В. Указ. соч. С. 332.
- ²⁰ Добровольский С. Указ. соч. С. 41.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² Там же. С. 71.
- ²³ Айронсайд У.Э. Указ. соч. С. 331.
- ²⁴ Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков //Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 54.
- ²⁵ Марушевский В.В. Указ. соч. С. 263, 264.
- ²⁶ Тучков А.И. Исторический фон. С. 172.
- ²⁷ Гражданская война в СССР. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. -- март 1919 г.). М., 1980. С. 204.
- ²⁸ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 21.
- ²⁹ РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 361. Л. 144.
- ³⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 358. Л. 181, 211.
- ³¹ Для особых поручений при командарме, начальник штаба армии, для особых поручений при начальнике штаба армии, начальник оперативного управления, начальник оперативного отделения, четыре его помощника, начальник разведывательного отделения, три его помощника, начальник общего отделения, два его помощника, начальник связи, начальник организационного отделения -- РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 131.
- ³² Начальник штаба дивизии, помощник начальника штаба дивизии по оперативной части.
- ³³ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 66.
- ³⁴ Там же. Л. 48-49.
- ³⁵ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 16.
- ³⁶ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 57, 103.
- ³⁷ Там же. Л. 128.
- ³⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 157.
- ³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 402.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44об.

⁴² Самойло А.А. Указ. соч. С. 190.

⁴³ Там же. С. 211.

⁴⁴ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 377.

⁴⁵ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 36.

⁴⁶ Самойло А.А. Указ. соч. С. 233-234.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

⁴⁸ РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 317. Л. 26, 31.